

УДК 821.112.28

ОБРАЗ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ В ПОЭЗИИ МИННЕЗАНГА

Е.А. ЛАЗАРЕНКО

(Представлено: Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ)

Представлен центральный образ поэзии миннезанга: образ Прекрасной Дамы, рассматриваются образы счастливой и несчастной женщин, упоминаются особенности истории развития миннезанга как особого направления в немецкоязычной средневековой лирике.

В XII–XIII веках начинает активно развиваться немецкая рыцарская культура и литература. Одним из самых ярких литературных направлений, относящихся к культуре высшего феодального сословия этих времен, является миннезанг – особое направление в немецкоязычной средневековой лирике, древнейшие памятники которого относятся к 1170-м годам [1, с. 84]. Термин «*Minnesang*» в переводе со средневерхнемецкого («*minne*» – любовь и «*sang*» – песня) означает «любовная песнь» [2, с. 47]. Впервые термин употребил Гартман фон Ауэ (Hartman von Owe, Ouwe, ок. 1170–1210) около 1195 года, а в литературоведение он был введен в XVIII веке такими швейцарскими филологами, как И.Я. Бодмер и И.Я. Брайтингер [3, с. 36]. «*Minne*» подразумевает служение рыцаря, отождествляющего себя с вассалом, даме, ее обожествление, добровольное подчинение и преклонение перед ней. Он надеется на ее благосклонность и готов на подвиги ради любимой. «*Minne*» включает в себе и чувственную сторону отношений между мужчиной и женщиной. Так, А.Я. Гуревич подчеркивал отличие «*minne*» и «*hoheminne*», так называемую «высокую любовь». «*Hoheminne*», в отличие от «*minne*», – это чувство, которое могло зародиться в герое еще до того, как он впервые увидит свою госпожу, лишь по слухам о ее красоте.

Существует много гипотез, отражающих влияние на литературу миннезанга. Наиболее ощутимое влияние на литературу миннезанга, по мнению В.Г. Шаткова, оказала французская литература с ее поэзией трубадуров и провансальской куртуазной лирикой, а также литература Фландрии. Именно на юге Франции в Провансе в XII веке возникает куртуазная (от фр. *cour* – двор) поэзия, которая прославляет возвышенную платоническую любовь к Прекрасной Даме. В немецких землях, особенно на юго-западе Германии, миннезингеры намного чаще, чем трубадуры в Провансе, были министриалами, людьми рыцарского звания, которые достаточно сильно зависели от своих покровителей – крупных феодалов. В обязанности министриала, особенно на начальном этапе развития немецкой куртуазной лирики, в 1150–1160 годах, входило служение своему господину и, соответственно, его семье. Министриал-поэт был обязан также сочинять песни развлекательного характера [2, с. 48].

Образ Прекрасной Дамы в поэзии миннезанга является одним из основных и присутствует на всех стадиях развития миннезанга практически во всех жанрах. С культа Прекрасной Дамы и берет свое начало куртуазная поэзия. Рыцари-поэты воспевали красоту и благородство своей госпожи, а знатные дамы весьма благосклонно относились к поэзии такого рода. Выражение любви к знатной госпоже в миннезанге предстает нам в виде хвалебно-лирической песни, где описывается сама госпожа, прелести ее внешности, черты характера или же чувства рыцаря, обращенные к возлюбленной.

У разных авторов на разных этапах развития миннезанга образ Прекрасной Дамы имеет свои особенности. Наиболее ярко он представлен в поэзии миннезингеров «куртуазного» или «прирейнского» направления. Обычно в роли Прекрасной Дамы выступает замужняя женщина благородного происхождения (срвн. *frouwe*), обладающая невероятной красотой, которую поэт-миннезингер охотно воспекает. Придворный певец миннезанга является слугой Дамы (срвн. *dienstman*), чью милость (срвн. *hulde*) он надеется получить своей верностью (срвн. *triuwe*) [4, с. 138]. Прекрасную Даму поэты называют по-разному: «*schöne Dame*» – «прекрасная дама», «*die beste aller Frauen*» – «лучшая из женщин», «*liebliche Dame*» – «милая дама», «*holde Frau*» – «прелестная женщина», «*teure Herrin*» – «дорогая госпожа» и даже «*Königin*» – «королева». Возраст дамы практически нигде не указывается, однако можно предположить, что она достаточно юная, так как миннезингеры часто обращаются к детальному описанию внешности Прекрасной Дамы, благодаря которому становится ясно, что их госпожа молода. Зачастую в песнях миннезингеров мы видим лишь упоминание о Прекрасной Даме без каких-либо описаний, будь то внешности или же ее душевных качеств. Одной из ярких примеров является поэзия Бургграфа фон Ритенбурга (*Burggraf von Rietenburg*, вт. пол. XII в.), представителя «куртуазного» направления раннего миннезанга. Его песни являются простыми с точки зрения полноты раскрытия образа Прекрасной Дамы, зачастую образ возлюбленной связан с описаниями природы или его личными переживаниями, как, например, в песне «Смолк соловушка в долине...» (*Die Nachtigall ist verstummt*):

Смолк соловушка в долине,
И не слышать мне отныне
Темной ночью песню песней.
Но жизнь моя еще чудесней.
Себе нашел я госпожу
И госпоже моей служу.
Служу я, верность ей храня.
Растет любовь день ото дня.
(Б. фон Ритенбург, перевод В. Микушевича [4, с. 128])

*Die Nachtigall ist verstummt
Und ihr edler Sang verklungen,
die ich ganz deutlich singen hörte.
Dennoch tut mir das feste Vertrauen wohl,
das ich durch eine Frau gewann.
Ich will niemals von ihr lassen
Und biete ihr meinen getreuen Dienst an.
Wie es ihr gefällt, so will ich immer sein*
[5, с. 23].

Мы видим, что автор упоминает в песне Прекрасную госпожу, однако в песне ничего не говорится ни о внешности, ни о характере, ни об отношении Прекрасной Дамы к лирическому герою, вместе с тем прослеживается чувственность лирического героя, его переживания, верность и любовь. Данный образ возлюбленной является достаточно простым, неглубоким и незамысловатым.

Другой представитель прирейнского направления раннего миннезанга, Мейнлох фон Сефелинген (*Meinloh von Sevelingen*, ок. 1130–1180), уделяет описанию Прекрасной Дамы больше внимания. В качестве примера возьмем строки из песни «О тебе наслышан, решил я на тебя взглянуть...» („*Als ich dich preisen hörte, da hatte ich Verlangen, dich kennenzulernen...*“):

О тебе наслышан, решил я на тебя взглянуть,
Ради красоты твоей пустился в дальний путь.
Теперь увидел я тебя и честно признаю:
Счастлив тот, кто посвятил тебе любовь свою.
Ты лучшая из лучших; умолчать грешно об этом.
Глазам твоим спасибо!
Кого хотят, согреют благословенным светом.

Тебе служить хотел бы тот, кто в тебя влюблен.
Влюбленный признается, что красивых самых жен
Ты, госпожа, затмила. Жен других и в мыслях нет...
(М. фон Сефелинген, перевод В. Микушевича [4, с. 125])

*Als ich dich preisen hörte, da hatte ich Verlangen, dich kennenzulernen.
Deine vielen Vorzüge zu erkunden, zog ich immerfort prüfend einher, bis ich dich sah.
Daß ich dich nun gesehen habe, das kümmert dich allerdings nicht.
Der ist in seinem Wert erhoben, dem du, Herrin, deine Neigung schenkst.
Du bist die allerbeste, das muß man dir mit Recht zuerkennen.
Gepriesen seien deine Augen!
Die können, wen sie nur wollen, sehr freundlich anblicken.*

*Dir entbietet seinen Dienst, dem du, Herrin, so lieb bist wie das Leben.
Er läßt dir treulich ausrichten, du habest ihm alle anderen Frauen
Aus seinem Herzen verdrängt, so gaß er keinen Gedanken mehr an sie verschwendet...*
[5, с. 19]

Герой песни сообщает нам, что когда он услышал о Прекрасной даме (*als ich dich preisen hörte*), решил с ней познакомиться (*kennenzulernen*). Лирический герой упоминает о многочисленных достоинствах госпожи (*viele Vorzüge*), не вдаваясь, однако, в подробности. Исключением является упоминание такой детали, как глаза (*Gepriesen seien deine Augen!* – *Благословенны Ваши глаза!*), которые, если госпожа пожелает, могут смотреть на рыцаря очень дружелюбно (*die können, wen sie nur wollen, sehr freundlich anblicken*).

Более детальным образ Прекрасной Дамы предстает нам в поэзии Генриха фон Морунгена (*Heinrich von Morungen*, ок. 1150–1222), представителя провансальского стиля. При описании красоты Прекрасной Дамы он использует интересные метафоры, в одной из песен, например, он сравнивает госпожу с солнечным светом:

Сколько женщин знатных,
Красивых и статных,

Около окна!
Что со мной такое?

Давно мне покоя
Не дает одна.
Сияет солнце поутру,
Чтобы любым секретам
Открыться при этом.
Светит ярким светом
Рыцарю она...
(Генрих фон Морунген,
перевод В. Микушевича [3, с. 169])
Sah jemand die Herrin,
die man dort sehen kann,

wie sie am Fenster steht?
Die überaus Schöne,
die befreit mich
von allen Sorgen, die ich habe.
Sie leuchtet wie die Sonne
Am strahlenden Morgen.
Zufor war sie verdeckt,
da mußte ich mich sorgen,
doch die Sorgen will ich nun lassen...
[4, с. 93]

Для описания красоты возлюбленной поэт выбирает наречие превосходной степени: «*die überaus Schöne*» – «в высшей степени красавица, чрезвычайно красивая», в других стихотворениях он называет ее «*die beste Frau*» – «лучшая женщина», «*holde Frau*» – «прелестная женщина», «*teure Herrin*» – «дорогая госпожа». При детальном описании прелестей госпожи поэт употребляет уменьшительно-ласкательный суффикс: «*rotes Mündchen*» – «красный ротик», а при описании глаз – такие выражения, как «*der helle Glanz ihrer Augen*» – «яркий блеск ее глаз», «*strahlende Augen*» – «сияющие глаза». Саму госпожу поэт называет «*heller Morgenstern*» – «ясная утренняя звезда», «*meine Sonne*» – «мое солнце».

Традиционная тематика песен миннезанга весьма разнообразна: любовная песня (*Minnelied*), женская песня (*Frauenlied*), спор, диалог влюбленных (*Wechsellied*), утренняя песня (*Tagelied*), песня о крестовом походе (*Kreuzlied*), танцевальная песня (*Tanzlied*). Формы изложения принимают как монологическую, так и диалогическую формы. Миннезингеры используют как женскую, так и мужскую рифмы. Миннезингерами позднего периода охотно использовался жанр под названием лейх (*Leich*), происхождение которого связывают с латинским гимном и представляющего собой сложное объединение неравных по строению строф.

В период своего позднего развития миннезанг переживает вырождение традиционных тем и приемов куртуазной поэзии. Он приобретает критический и пародийный характер. Образ Прекрасной Дамы, соответственно, тоже претерпевает изменения. Данный образ предстает нам в саркастическом ключе и подвергается критике. В куртуазной поэзии мы видим Прекрасную Даму надменной, глупой и наделенной неким самодурством, иногда даже крайней степенью деспотизма. Примером служит поэзия австрийского миннезингера Ульриха фон Лихтенштеттена (*Ulrich von Liechtenstein*, ок. 1200–1275). Служение Даме он доводит до абсурда и не менее абсурдными представляются нам прихоти Прекрасной Дамы: то ей не нравится «заячья губа» верного рыцаря, и он даже соглашается на операцию, то благородная дама принимает в подарок в знак любви и верности отрубленный палец рыцаря. Такой же капризной мы видим Прекрасную Даму и в поэзии Тангейзера (*Tannhäuser, Tannhäuser*, ок. 1240–1270). Прекрасная Дама предъявляет рыцарю невозможные требования: достать звезду, луну или солнце с неба, саламандру, живущую в огне, повернуть Рейн в Дунай и т.д. [1, с. 96].

Зачастую даму знатного происхождения с трудом можно назвать прекрасной. Многие поэты (Хагенау, Морунген) описывают ее жестокосердной, относящейся с некоторой холодностью к рыцарю, страдающему от неразделенной любви к госпоже. Генрих фон Морунген (*Heinrich von Morungen*, ок. 1150–1222) даже называет Прекрасную Даму в одной из своих песен «*sanfte Mörderin*» – «нежной убийцей»:

Так, значит, вы, палач мой нежный,
Всерьез меня задумали казнить?
Как будто смерти неизбежной
Вас и меня дано разъединить!
За гробом верность вам я не нарушу,
И если во плоти я вас не стою,
Моя душа признает вашу душу
Своею полновластной госпожою.
Когда нельзя награды ждать
Мне здесь от вашей плоти,
Там буду вам я угождать,
И там вы, госпожа, во мне
Вновь рыцаря найдете.
(Генрих фон Морунген,
перевод В. Микушевича [4, с. 183])

Ihr süße sanfte Mörderin,
weshalb wollt ihr mir mein Leben
nehmen,
wo ich euch doch so von Herzen liebe,
fürwahr, o Herrin, vor allen andern
Frauen?
Glaubt ihr, daß, wenn ihr mich tötet,
ich euch niemals mehr anschauen
werde?
Nein, die Liebe zu euch hat mich mit
ihrer Gewalt dazu gebracht,
daß eure Seele die Herrin meiner Seele
ist.
Soll mir hier auf Erden nichts Gutes
widerfahren von euch edler Herrin,
so muß meine Seele euch das bekennen,
daß sie eurer Seele dort im Himmel
dienen wird als einer reinen Frau [5, с. 105].

При описании Дамы, не отвечающей взаимностью рыцарю, поэты-миннезингеры часто прибегают к всевозможным преувеличениям и неожиданным метафорам, например, в приведенном выше стихотворении литературный герой расценивает холодность его госпожи как желание забрать его жизнь – «*wollt ihr mir mein Leben nehmen*». Из-за неразделенной любви придворные певцы могут ощущать большую подавленность (*große Bedrängnis empfinden*), их сердце полно боли (*Schmerz im Herz haben*) и они страдают (*quälen*).

Здесь важно отметить, что в подобном поклонении даме в куртуазной любовной поэзии переживания рыцаря эротического характера были связаны с воспитанием. Рыцарю следовало добиться образца рыцарского поведения, который соответствовал бы принципам феодальной идеологии, которая видела в любви к Прекрасной Даме прежде всего стимул, который укрепляет свойства, необходимые рыцарям: обожание рыцарем «дамы сердца», «духовная любовь» служили интересам рыцарского сословия. Феодал бывал весьма польщен, если рыцарь избирал его жену «дамой сердца» и не препятствовал жене обзаводиться «духовными друзьями» – мужчинами. Прекрасная дама, в свою очередь, выступает в роли хранительницы культурных ценностей и воспитательницы рыцаря. Готовность верно служить Прекрасной Даме, не требуя взаимности, свидетельствует о сознательном подчинении требованиям культуры и образу жизни, моде тех времен, а не свидетельством определенных любовных отношений (чаще всего). Нельзя забывать, что знатную даму связывали брачные узы, поэтому тематика миннезанга ограничивалась восхвалением дамы и выражением тоски по поводу невозможности добиться вознаграждения за свое верное служение. Подобная холодность Прекрасной Дамы может способствовать негативному восприятию благородной госпожи, однако нельзя забывать, что большинство описаний не только Прекрасной Дамы, но и чувств рыцаря преувеличены. Во многих ситуациях это равнодушие сродни благоразумию и благопристойности Дамы знатного происхождения, которая считает ниже своего достоинства снисходить до любовных бесед и тем более отношений с рыцарем, вассалом короля. Любви достойна лишь недоступная и чистая женщина, поэтому многие миннезингеры воспевали не только красоту, но и холодность Прекрасной Дамы. Таким поэтом был Рейнмар фон Хагенау (*Reinmar von Hagenau, Reinmar der Alte*, ок. 1170–1205). Равнодушие госпожи он воспринимал в качестве добродетели: «Пусть лучше она мне откажет, чем легко отдастся любому». Он наслаждается болью, испытываемой из-за безответных чувств, в одном из стихотворений поэт сообщает, что Прекрасная Дама, не отвечая на его чувства взаимностью, одаривает его сладкой болью: «*süßen Schmerz schenkt*», однако рыцарь считает эту боль благоразумной и не держит зла на госпожу: «*ein sichtvoller Schmerz ganz ohne Bosheit*». Такой образ чаще всего можно встретить в миннезанге раннего периода, а, начиная с классического периода миннезанга, в куртуазной поэзии возникают притязания на взаимность.

Образ Прекрасной Дамы включает в себя два примечательных противоположных образа: женщина счастливая и женщина несчастная в любви. Счастливой может быть как женщина знатного происхождения, так и женщина низкого сословия. Чаще всего эти образы присутствуют в «женских» песнях, «диалогах влюбленных» и «утренних песнях». Иногда эти образы переключаются: женщина была счастлива ночью, проводя время с возлюбленным, однако с наступлением утра ей или рыцарю пора покинуть друг друга, и она страдает из-за этого. Примером служит отрывок из песни Дитмара фон Айста в жанре диалога двух влюбленных:

«Какое горе и какая мука!
И словно камень на сердце разлука.
Следят за мною зорко сторожа», –
Всю ночь грустит и плачет госпожа...
(Дитмар фон Айст,
перевод И. Грицковой [4, с. 131])

«Was hilft gegen die Sehnsucht, die eine
Frau nach einem geliebten Mann
empfindet?
Das möchte ich gerne wissen, da mein
Herz in solcher Bedrängnis ist.»
So sagte eine schöne Dame.
«Sehr leicht ließe ich dem abhelfen,
wenn die Aufpasser nicht wären.
Niemals lasse ich ihn aus meinen
Gedanken»... [5, с. 25]

В качестве женского образа мы видим несчастную женщину знатного происхождения, которая вынуждена скрываться от стражи, встречаясь с возлюбленным.

Страдающей женщиной может быть и женщина низкого сословья. Тот же мотив, что и у Дитмара фон Айста – вынужденная разлука влюбленных – мы видим в утренней песне в форме диалога влюбленных Генриха фон Морунгена «Неужто ночь прошла?..» („Ach, soll er denn nie mehr...“):

...Давно ему пора

Со мною распроститься.

Иначе до утра
Мой милый загостится.
Светает за стеной.
Лежал во тьме ночной
Он только что со мной.
И вот рассвет...
(Генрих фон Морунген, перевод
В. Микушевича [4, с. 182])
...«Ach, soll er denn nie mehr

den Morgen hier erleben?
So möge uns die Nacht dahingehen,
daß wir nicht zu klagen brauchen:
«Ach, jetzt ist es Tag!»
Wie er es schmerzvoll tat,
als er unlängst bei mir lag.
Datagtees».
[5, с. 101]

«Ах, больше не суждено ему здесь встретить рассвет? » – «*Ach, soll er denn nie mehr den Morgen hier erleben?* » – грустно спрашивает женщина, ожидающая ухода возлюбленного.

Основными причинами, ввергающими женщин в тоску, обычно служат неразделенная любовь женщины, неверность рыцаря или необходимость покинуть свою возлюбленную, разлука с ним, а также необходимость участвовать в крестовых походах. Помимо этого в народной традиции миннезанга причинами грусти могут выступать строгие родители, обычно мать, не пускающая гулять дочь или запрещающая ей встречаться и думать о любви с рыцарем (опять же мы видим тему социального неравенства), а также всевозможные сплетники, ставшие причиной расставания с любимым. В подтверждение приведем пример песни миннезингера Кюренбергера:

«Ах, как текут слезы от боли
нестерпимой!
Меня покидает мой милый, мой
любимый.
Лжецы виноваты. Господь их накажи!
Нам бы помириться и не слушать этой
лжи».
(Кюренбергер, перевод В. Микушевича
[4, с. 124])

«Es dringt mir aus dem Herzen, daß ich
weine.
Ich und mein Liebster, wir sollen
voneinander scheiden.
Das machen die Verleumder. Gott
schicke ich ihnen Leid!
Wer uns zwei wieder zusammenführte,
wie glücklich wäre ich darüber!»
[5, с. 13]

В поэзии Генриха фон Морунгена также встречается образ страдающей, плачущей женщины. В одном из стихотворений он говорит об одинокой женщине, чьи щеки ввиду разлуки с любимым были мокрые от слез – «*ihre Wangen von Tränen naß*». Плачущие глаза – «*weinende Augen*» у женщины мы обнаруживаем и в творчестве Вольфрама фон Эшенбаха.

Образ счастливой женщины менее распространен и почти отсутствует в поэзии «куртуазного» направления, зато встречается в «народном» направлении. Счастливой может быть молодая девушка, которой удалось сбежать от строгих родителей на танцы или к возлюбленному или просто женщина, предающаяся беззаботному гедонизму в уединении с любимым. Примером служит утренняя песнь в форме монолога девушки Вальтера фон дер Фогельвейде «В роще под липкой...» („*Unter der Linde*“):

В роще под липкой
Приют наш старый
Если найдешь ненароком ты,
Молвишь с улыбкой:
«Что за парой
Травы примяты и цветы?»
На опушке среди ветвей –
Тандарадай –
Пел свидетель – соловей.

Молча брела я
Средь бездорожья,
Пока не встретила дружка.
Он обнял, пылая,
Мать божья!
Обнял – и стала душа легка.
Сколько раз?
Да кто ж сочтет?! –
Тандарадай, –
Видите – в кровь нацелован рот...
(Вальтер фон дер Фогельвейде,
перевод Арк. Штейнберга
[4, с. 236-237])

Unter der Linde
Auf der Heide,
wo unser beider Lager war,
da könnt ihr noch
Blumen und Gras,
schön gebrochen, finden.
Vor dem Wald in einem Tal,
tandaradei,
schön sang die Nachtigal
Ich kam gegangen
Zu der Aue.
Da war mein Liebster schon vorher
gekommen.
Da wurde ich empfangen,
bei der Jungfrau Maria,
daß ich auf immer glücklich sein werde.
Küßte er mich? Wohl tausendmal,
tandaradei,
seht wie rot mein Mund ist...
[5, с. 159–161]

В «народной» поэзии миннезингеров часто упоминаются такие любовные подробности, как, например, поцелуй. В приведенном выше стихотворении наша героиня повествует читателю о том, чем они с ее возлюбленным занимались «*unter der Linde auf der Heide*» – «в роще под липой»: «*Küßte er mich? Wohltausend mal*» – «Целовал ли он меня? Тысячу раз, пожалуй». Лирического героя одной из песен Рейнмара фон Хаагенау дама благородного происхождения одаривает сладкой болью – «*süßen Schmerz schenkt*», а героя песен Вальтера фон дер Фогельвейде – поцелуем – «*schenke mir einmal ihr roter Mund einen Kuß*» – «однажды ее красный рот подарил мне поцелуй».

Таким образом, образ Прекрасной Дамы и образ женщины-крестьянки являются ключевыми образами миннезанга, зачастую противопоставляются друг другу и вводятся для характеристики как положительных, так и отрицательных героинь в немецкой куртуазной лирике. Важным наблюдением является то, что образ несчастной женщины более распространен в миннезанге, чем образ счастливой женщины, и связан главным образом с любовной разлукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, М. П. История зарубежной литературы: Средние века. Возрождение / М. П. Алексеев [и др.]; под общ. ред. В. М. Жирмунского. – М. : Высшая школа, 1987. – 4-е изд. – 415 с.
2. История немецкой литературы : в 5 т. / В. Г. Шатков; под общ. ред. Н. И. Балашова, [и др.] – М. : АН СССР, 1962–1976. – Т.1 : История немецкой литературы (IX-XVII вв.) / редкол. Б.И. Пуришев [и др.]. – 470 с.
3. Пронин, В. А. История немецкой литературы: учеб. пособие. / В. А. Пронин. – М. : Университетская книга; Логос, 2007. – 383 с.
4. Пуришев, Б. И. Лирическая поэзия средних веков / Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов / Б.И. Пуришев. – М. : Худ. лит-ра, 1974. – Т. 23. – 348 с.
5. Brackert, H. Minnesang: Mittelhochdeutsche Texte und Übertragungen / H. Brackert. – Frankfurt am M. : Fischer Taschenbuch Verlag, 2008. – 368 S.